

Пространственный дейксис в спонтанном экспозиторном диалоге: экспериментальное исследование¹

М. И. Киосе

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
Институт языкознания РАН, Москва, Россия, maria_kiose@mail.ru

Аннотация. На материале спонтанных экспозиторных диалогов устанавливаются особенности пространственного дейксиса, проявляющиеся в конструировании относительного пространства в и вне ситуации коммуникации с учетом подтипов – близкого и далекого. Актуальность исследования определяется необходимостью уточнения роли пространственного дейксиса в конструировании пространства спонтанной диалогической коммуникации. Новизна работы связывается с выявлением четырех типов относительного пространства, а также с обнаружением их распределения. Результаты исследования показывают превалирование относительного пространства вне коммуникации как близкого, что определяется необходимостью «приблизить» к собеседнику объекты, отсутствующие в ситуации коммуникации, для выработки общей позиции.

Ключевые слова: пространственный дейксис, относительное пространство, коммуникация, устная речь, диалог, экспозиторный дискурс

Для цитирования: Киосе М. И. Пространственный дейксис в спонтанном экспозиторном диалоге: экспериментальное исследование // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3 (978). С. 73–80.

Original article

Spatial Deixis in Spontaneous Expository Dialogue: Experimental Study

Maria Kiose

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russia
maria_kiose@mail.ru

Abstract. Featuring the collected data of spontaneous expository dialogues, the study identifies the specific use of spatial deixis which helps construe the relative space within and beyond the communicative situation mediated by its subtypes, close and far. At present, little is known on the role of spatial deixis in modulating space in spontaneous dialogues. The study reveals four types of relative space as well as their distribution in dialogue. The results show the prevalence in the construal of relative space beyond the communicative situation as close, which proves the necessity to move the objects absent in the communicative situation closer to the interlocutor to develop the common ground.

Keywords: spatial deixis, relative space, communication, speech, dialogue, expository discourse

For citation: Kiose, M. I. (2024). Spatial deixis in spontaneous expository dialogue: Experimental study. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(897), 73–80. (In Russ.)

¹Исследование выполнено в Московском государственном лингвистическом университете в рамках реализации проекта российского научного фонда № 24-18-00587 «Роль рекуррентных жестов в разных языках: социокогнитивные основы полимодального позиционирования».

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Как известно, семантика пространственного дейксиса не ограничивается сугубо локализацией объектов в пространстве и противопоставлением их по степени близости и отдаленности [Апресян, 1986; Степанов, 1998], а может описывать и коммуникативные роли участников в диалоге и монологе [Падучева, 2008; Levinson, 2003; Ирисханова и др., 2022]. При том, что особенности пространственного дейксиса получили достаточное освещение в корпусных исследованиях письменной речи, неподготовленная диалогическая речь изучена намного меньше. Однако именно в неподготовленной речи обнаруживается вариативность (в том числе в индивидуальной речи) в проявлении пространственного дейксиса, что позволяет установить специфические особенности его реализации. В настоящей работе к анализу привлекается записанный рабочий корпус неподготовленного экспозиторного диалога, в котором устанавливаются возможности конструирования с помощью дейктических слов двух типов относительного пространства – в ситуации коммуникации (т. е. в пространстве речи) и вне ситуации коммуникации (когда речь идет о тех объектах, которые не присутствуют в ситуации коммуникации, т. е. в пространстве смысла). С применением дейктических маркеров абсолютного пространства (*тут, там, здесь, вон, вот* и др.) мы намереваемся уточнить особенности конструирования относительного пространства (в и вне ситуации коммуникации) в экспозиторном дискурсе, который отличается выражением отношений между объектами (в том числе и в пространстве) и размытостью границ самих объектов [Longacre, 1983; Berman, Nir-Sagiv, 2007], что не может не сказаться на формировании специфических пространственных характеристик.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследования пространственного дейксиса ведутся в разных направлениях: в когнитивной семиотике, где анализу подвергаются, прежде всего, особенности конструирования пространства в абсолютной и относительной системах координат [Levinson, 2003]; в лингвосемиотике, где изучаются проявления в языке дейктических координат, описывающих пространство – «здесь», «около тебя» и «там» [Степанов, 1998]; в семантике, где предметом анализа становятся значения маркеров пространственного дейксиса – временное значение и значения, описывающие пространство речи и пространство смысла [Апресян, 2014]. В данной

работе устанавливаются дейктические координаты, описывающие само пространство в диалогической коммуникации, поэтому в большей степени исследование опирается на положения когнитивной семиотики и лингвосемиотики. Так, Е. Курилович, К. Бюлер и Ю. С. Степанов разграничивают три дейктические координаты (субъект, место и время ситуации), описывающие, соответственно, персональный, пространственный и временной дейксис. Относительно так называемого *Origo*, или центра системы координат «Я – здесь – сейчас», выстраивается коммуникация (текст); при этом каждая из координат подвергается варьированию в измерениях: *я – здесь – сейчас // ты – около тебя – теперь // он – там – тогда* [Степанов, 1998]. Как указывает В. З. Демьянков, анализ языка в рамках этой парадигмы («дейктическая» парадигма, или «философия эгоцентрических слов» по Ю. С. Степанову) отличается следующими характеристиками: «1) весь язык соотносится с субъектом, его использующим, с «Я»; 2) все основные понятия, используемые для описания языка, релятивизируются: имена, предикаты, предложения – все теперь рассматривается как функции разного рода» [Демьянков, 2013, с. 11].

Релятивизация в конструировании пространства становится отдельным объектом анализа в работах С. Левинсона, в которых разграничиваются эгоцентрическая (относительная) и аллоцентрическая (объектно-центрическая и абсолютная) системы координат [Levinson, 2003; Majid et al., 2004]. Такая релятивизация получает обособленное описание и применительно к диалогу, характеризуя относительное пространство в коммуникации и вне коммуникации [Levinson, 2016]. Разграничение пространства как более близкого и далекого обнаруживается и в координатах абсолютного пространства, которые «заданы» в значениях самих дейктических слов [Апресян, 2014]. Это дает возможность соотносить пространственные значения дейктических слов, представляющих координаты абсолютного пространства, и конструируемые типы относительного пространства – в ситуации коммуникации и вне ситуации коммуникации.

Интерес представляет то, как варьируются проявления этих типов пространств, определяясь характеристиками самой коммуникации. Образцом их сложного взаимодействия является экспозиторный дискурс, в рамках которого участники выстраивают пространство в коммуникации с опорой на пространство вне коммуникации, описывая объекты, не представленные в ситуации коммуникации, и выражая к ним отношение [Longacre, 1983]. При этом в связи с тем, что эти отношения диктуются

индивидуальным опытом и предпочтениями, границы объектов представляются размытыми [Berman, Nir-Sagiv, 2007], что формирует особый характер взаимодействия пространств. Сложность взаимодействия пространств также обусловлена тем, что в диалоге, для которого характерна смена коммуникативных этапов [Коротаев, 2023], важно поддержание контактоустанавливающей функции не только на этапах запроса и ответа, но и на этапе развития темы, когда формируется «тематическое единство диалога» в ходе взаимной адаптации собеседников [Горбылева, Шевченко, 2023]. В данном исследовании, следуя когнитивно-семиотическим положениям, мы установим особенности реализации относительного дейксиса, описывающего пространство в и вне коммуникации, а также определим, как эти типы пространства конструируются с помощью координат абсолютного пространства.

МЕТОДЫ И ПРОЦЕДУРА АНАЛИЗА

Для проведения анализа используется методика когнитивно-семиотического моделирования дейксиса, в основе которой лежит ряд принципов:

1) разграничение вслед за К. Бюллером и Ю. С. Степановым трех типов дейктических координат, определяющих функционирование трех типов дейксиса – персонального, временного и пространственного;

2) разграничение вслед за С. Левинсоном двух видов дейктического пространства – абсолютного и относительного, где второй вид пространства конструируется, определяясь ситуацией коммуникации;

3) признание возможности моделирования координат относительного пространства с опорой на координаты абсолютного пространства.

Следуя данным принципам, мы разграничиваем две основные координаты абсолютно-пространства – «здесь» и «там» (координата

«около» оказалась слабо представлена в нашем материале), обнаруженные в ряде маркеров: для координаты «здесь» это маркеры *здесь, тут, вот, данный*; для координаты «там» это *тот, там, вон*. Особенности их использования для конструирования пространства в спонтанном экспозиторном диалоге изучены на материале собранного участниками проекта РНФ полимодального корпуса¹, из которого для проведения данного исследования сформирован рабочий корпус диалогической речи продолжительностью 86 минут. Рабочий корпус включает 4 978 элементарных дискурсивных единиц (ЭДЕ) – клауз, или фрагментов речи, соотносимых с пропозициями. В проекте пары собеседников должны выработать общую позицию в отношении ряда вопросов, связанных с функционированием искусственного интеллекта. Для этого они поясняют особенности его применения в деятельности человека (см. рис. 1).

На рисунке 1 показано, как говорящий произносит две элементарные дискурсивные единицы (ЭДЕ), где во второй используется дейктическое слово *вот*, которое помимо указательной может выполнять и метадискурсивную функцию. Слово представляет абсолютное пространство «здесь», при этом конструируется относительное пространство вне коммуникации, так как описывается объект, не присутствующий в текущей ситуации (искусственный интеллект).

Опишем процедуру исследования. На первом этапе из состава ЭДЕ были отобраны те, которые содержали один или несколько маркеров пространственного дейксиса. В тех случаях, когда в ЭДЕ было несколько таких маркеров, каждый из них рассматривался в рамках отдельной ЭДЕ. На втором этапе в отношении каждого маркера

¹Автор выражает признательность участникам проекта О. К. Ирисхановой, А. Ченки, А. В. Леонтьевой, О. Н. Прокофьевой, О. В. Агафоновой, Е. Е. Смирновой и А. А. Петровой за возможность воспользоваться собранным корпусом.

Рис. 1. Обстановка эксперимента. Говорящий (справа):
если искусственный интеллект будет испытывать эмоции / вот нормальные эмоции

пространственного дейксиса с учетом семантики контекста было проведено аннотирование координат абсолютного дейксиса («здесь» и «там») и относительного дейксиса («пространство в коммуникации» и «пространство вне коммуникации»). На третьем этапе с применением описательной статистики установлено распределение координат и с опорой на особенности этого распределения предложено решение, описывающее модель относительного пространственного дейксиса в экспозитивном диалоге. Подробнее опишем анализируемый материал.

Так, в ЭДЕ */тут везде в принципе мне кажется ответ/* обнаруживаем маркер пространственного дейксиса *тут*, который описывается координатой «здесь» абсолютного пространства. При конструировании относительного пространства этот маркер «запускает» пространство в коммуникации с координатами «я» (участники коммуникации), «здесь» (ситуация коммуникации), «сейчас» (время, момент реализации коммуникации). В ЭДЕ */ну ты тут можешь даже винить свою управляющую компанию/* также используется маркер *тут*, соотносимый с координатой «здесь», однако он способствует конструированию пространства вне коммуникации, так как речь не идет непосредственно об участниках коммуникации (хотя и может их включать), описываемая ситуация и момент ее реализации не совпадают с ситуацией коммуникации и временем ее реализации.

В изученном материале обнаружены случаи использования дейктических слов, которые было решено не подвергать анализу по той причине, что их указательное (дейктическое) значение модифицируется в рамках значения более крупных речевых единиц.

Во-первых, речь идет об их использовании в составе союзов и наречных выражений типа *в то время как, в то же время, если... то..., не то чтобы, (вопрос) в том как, не то чтобы, при этом, в то же время, тем что*.

Во-вторых, не привлекались к анализу использования дейктических слов в составе устойчивых выражений типа *(он) и так (насамообучался), в том и (дело), в том числе, (человек) – тот еще (паразит), тем или иным (способом), есть такое (дело), и так далее и тому подобное, вот именно, тот факт что и др*.

В-третьих, анализу не подвергались незавершенные ЭДЕ типа */ну это.../ ну да это.../*, содержание которых не позволяло установить особенности конструирования относительного пространства.

Сложный случай установления дейктической функции иллюстрирует использование слова *это*. Представляется очевидным, что данное слово

часто используется как связка (т. е. оно не несет дейктическую функцию), однако в устной речи в условиях редуцирования финального гласного в слове и самоисправлений не всегда возможно разграничить слово-связку и указательное употребление слова, например, в */но в первую очередь это (эта?) вина... разработчика/*. Также в спонтанной речи проявляется большая вариативность в синтаксическом конструировании ЭДЕ; это приводит к тому, что невозможно однозначно определить семантическую нагрузку слова *это*, как, например, в клаузе */это опять вопрос сводится к тому/*. В связи с этим принято решение все использования слова *это* определять как потенциально указательные (дейктические).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

На первом этапе анализа из 4 978 ЭДЕ были отобраны 657 ЭДЕ, содержащие один или несколько маркеров пространственного дейксиса, не включая маркеры в составе союзных слов, наречных выражений, устойчивых выражений, незавершенных ЭДЕ (см. выше). При этом из всех ЭДЕ был обнаружен 531 случай использования координаты «здесь» абсолютного пространства и 126 случаев использования координаты «там»; таким образом, в спонтанном диалоге координата «здесь» представлена в 4,2 раза чаще. Представим на рисунке 2 распределение их использований в индивидуальных пробах участников.

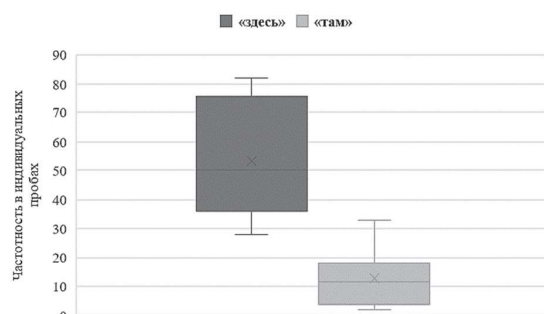

Рис. 2. Распределение маркеров абсолютного дейксиса в диалогической речи

Как видно из рисунка 2, индивидуальные особенности варьирования в использовании этих координат значительны (29–81 и 2–32). При этом отметим, что есть участники, которые в относительно большей степени «отдают предпочтение» использованию координаты «там»; в их речи количество использований маркеров «здесь» может быть только до 1,7 раз выше (при среднем значении в 4,2). Координата «здесь» чаще всего

проявляется в маркерах *это, вот, тут*, например, в */глубоко от тебя это слышать/, /вот развивать эмоции/, /но тут я могу четко сказать/*. Координата «там» чаще проявляется в маркерах *тот и там*, например, в */они являются как бы переработкой тех работ/, /а там в л... как бы в любом случае мы делаем по своему образу и подобию/*.

Далее рассмотрим особенности конструирования относительного пространства. Двумя основными типами относительного пространства выступают «в (ситуации) коммуникации» (как аналог «здесь») и «вне (ситуации) коммуникации» (как аналог «там»). Пространство «в коммуникации» определяется как то место, где сейчас происходит коммуникация собеседников; а пространство «вне коммуникации» – как место, которое либо не включает то место и время, где сейчас происходит коммуникация собеседников, либо включает их, но может относиться и к другим ситуациям коммуникации. Так, в */ну это интересно конечно/* с помощью координаты «здесь» (*это*) конструируется «пространство коммуникации»; в */там надо заложить программу/* с помощью координаты «там» (*там*) конструируется «пространство вне коммуникации».

Особый интерес в контексте данного исследования представляют случаи конструирования пространства в ситуациях рассогласования типа пространства, абсолютного и относительного, т.е. когда конструирование пространства в коммуникации происходит с помощью координаты «там» абсолютного пространства, и наоборот, а также когда происходит одновременное конструирование относительного пространства в и вне коммуникации с помощью одной координаты абсолютного пространства. Рассмотрим некоторые примеры.

В */но каким-то своим сознанием опять же там технологическим/* используется дейктическое слово *там*, с помощью которого конструируется пространство в коммуникации (сознание разного «типа» как присущее коммуникантам), но одновременно с этим и более обширное пространство, потенциально включающее и другие возможные ситуации коммуникации с другими коммуникантами (у которых тоже обнаруживается сознание такого «типа»). Сходные использования обнаруживаем в */как люди вот ограничены каким-то своим горизонтом сознания/* и */ну как бы это уже на нас лежит ответственность за то/,* где *вот* и *это* участвуют в конструировании как пространства в коммуникации (так как ее участники тоже люди, мы), так и пространства вне коммуникации (так как включает и всех других людей, нас).

В */и теми кто эти машины обслуживает/* используется дейктическое слово *эти*,

соотносящееся с координатой «здесь», но определенно конструирующее пространство вне коммуникации. В */скорее тут разговор о том/* (*что оно должно тебя побудить*) речь не идет о конструировании пространства, в котором участвуют эти собеседники здесь и сейчас; выражение *тут разговор о том* используется в значении «это используется таким образом, что», что «запускает» пространство вне коммуникации. К спорным можно отнести случаи типа */это может человек там взять хлеб/*, где обнаруживается возможность совершения действия в ситуации коммуникации; однако в связи с тем, что она не может быть реализована в данной ситуации (хлеба у коммуникантов нет), мы рассматриваем такие случаи как конструирующие пространство вне коммуникации. Также сложно определить тип конструируемого пространства в ситуации потенциальной возможности отнесения дейктического слова к разным компонентам ЭДЕ, как в */тут опять же вина за кем?/,* где *тут* может быть отнесено к *опять же* (ситуация коммуникации, так как речь идет о возвращении к обсуждению некоторой темы) или к *вина за кем* (ситуация вне коммуникации). В таких случаях принято решение определять тип пространства по тому компоненту, который находится ближе всего к дейктическому слову; в данном случае это *опять же*, поэтому слово *тут* рассматривается как конструирующее пространство в коммуникации. В некоторых случаях определить тип пространства можно с опорой на время глагола: например, в */но я это слышала у этого у Цукерберга по-моему/* *это* является дополнением в *слышала это*, соответственно, речь идет о ситуации в прошедшем времени, и хотя предмет разговора («это») определяется как (до сих пор) присутствующий в ситуации коммуникации, конструируется пространство вне коммуникации. Сходную ситуацию наблюдаем в */тут опять мы все сведем к программам/*, где с опорой на будущее время глагола определяем слово *тут* как конструирующее пространство вне коммуникации. При анализе мы столкнулись и с проявлениями совместной реализации пространственного и временного дейксиса, описанного в [Апресян, 2014], например, в */тут уже большой вопрос/* или */Если у нас там ломается телефон/,* где *тут* и *там* соотносят говорящего не только с некоторым местом в пространстве, но и некоторой точкой во времени. Однако, несмотря на значение самих слов в координатах абсолютного пространства, их роль в конструировании относительного пространства может быть разной.

Таким образом, обращаем внимание на то, что существуют возможности конструирования относительного пространства обоих типов с координатами абсолютного пространства обоих типов

(т. е. всего четыре варианта). Можно предположить, что при выборе координат говорящий выстраивает не только пространство в и вне коммуникации, но и обособляет его в каждом случае как «близкое» и «далекое», используя для этого маркеры абсолютного пространства «здесь» и «там», соответственно. Так, говоря, */я это связываю с очень эээ челове- человеческим фактором/*, говорящий конструирует относительное пространство в коммуникации как близкое (маркер *это*), а в */потому что у тебя там что-то накапливается/* – пространство в коммуникации как далекое (маркер *там*); в */у этой машины должно быть какая-то там/* – пространство вне коммуникации как близкое (маркер *этой*); а в */если он там доверяет не знаю свою жизнь машине/* – пространство вне коммуникации как далекое (маркер *там*). В итоге можно наблюдать пространственный континуум, описываемый четырьмя вариантами, применение которых позволяет моделировать относительное пространство в спонтанном диалоге. Покажем это на схеме (рис. 3).

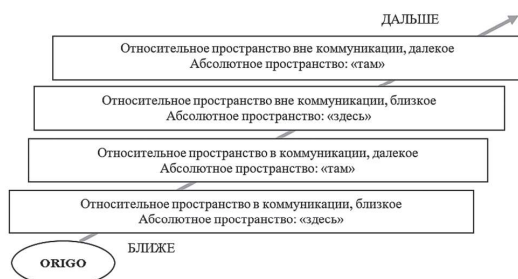

Рис. 3. Типы и координаты пространства в диалоге

Приведем полученные результаты, описывающие распределение относительного пространства в коммуникации и вне коммуникации. Относительное пространство в коммуникации как близкое описывают 187 случаев, т. е. от общего количества случаев использования маркеров абсолютного пространства с координатой «здесь» это только около 35 % случаев. Обнаружен 21 случай использования координаты «там» для конструирования пространства в коммуникации как далекое, например, в *там в /и тем как работают у нас всякие там нейроны и остальное все/* или в */что человек социо... как там социобиологическое существо/*. Как можно наблюдать, эти более редкие примеры – их доля в конструировании пространства в коммуникации составляет 11,2 % – конструируют знание собеседников о ситуации коммуникации вообще, которое те представляют уже в реальной ситуации коммуникации. Конструирование пространства вне коммуникации как близкое обнаружено

в 361 случае, а пространства как далекое – в 108 случаях; таким образом, доля последнего в конструировании пространства вне коммуникации составляет только 29,9 %. Приведем процентное распределение четырех типов на рисунке 4.

Рис. 4. Распределение типов относительного пространства в диалоге

Как показано на рисунке 4, чаще всего коммуниканты конструируют пространство вне коммуникации как близкое, приближая таким образом объекты и события, находящиеся и происходящие вне ситуации, к той ситуации, в которой они находятся в данный момент времени. Предположительно, это обусловлено характером экспозиторного дискурса, реализация которого требует установления отношений между разными феноменами окружающего мира [Longacre 1983; Berman, Bracha Nir-Sagiv, 2007], а также установления границ конструируемых категорий [Iriskhanova et al., 2022]. Частотность пространства в коммуникации как близкое определенно свидетельствует о том, что в диалоге необходимо поддерживать свой интерес и интерес собеседника к тому, что происходит здесь и сейчас; предположительно, такое конструирование пространства способствует реализации контактоустанавливающей функции в разных коммуникативных шагах диалогической коммуникации [Коротаев, 2023]. Проявления индивидуального варьирования в выборе типов пространства могут быть связаны с внешними и внутренними обстоятельствами коммуникации [Bangerter, Clark, 2003; Levinson 2016]. То, что пространство в коммуникации как далекое используется достаточно редко, возможно, также обусловлено экспозиторным типом дискурса; предположительно, в аргументативной коммуникации его показатели были бы выше, так как в этом случае для достижения общей позиции необходимо в большей степени привлекать и «продвигать» свои знания о самой ситуации коммуникации, а не только о ситуациях вне ее.

Таким образом, оказывается возможным наблюдать как «релятивизируются» [Демьянков, 2013, с. 11] координаты абсолютного пространства, определяемые как особенностями коммуникации, так и типом дискурса, а также как варьируются

проявления координат в составе триады «я – здесь – сейчас» [Степанов, 1998].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование особенностей реализации пространственного дейксиса в спонтанном экспозиторном диалоге свидетельствует о том, что относительный характер дейксиса проявляется, прежде всего, в специфическом распределении пространств в и вне коммуникации, где превалирует конструирование пространства вне коммуникации. Очевидно, это обусловлено необходимостью достичь общей позиции в диалоге в отношении объектов, непосредственно не присутствующих в ситуации коммуникации. Для «приближения» этих объектов собеседники прибегают к приему

конструирования пространства вне коммуникации как близкого, т. е. используя дейктические слова *этот, здесь, тут* и др. Проведенный анализ позволил не только установить распределение особенностей конструирования пространства, но и предложить модель, описывающую эти особенности в диалоге с учетом координат абсолютного пространства и типов относительного пространства, определяемых организацией коммуникации. Можно предположить, что разработанная модель применима как для анализа существующих корпусов речи на предмет способов конструирования пространства как близкого или далекого с помощью дейктических слов, так и для программирования коммуникации как более и менее настроенной на установление контакта с помощью приближения / удаления участников и объектов пространства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. 1986. Вып. 28. С. 5–33.
2. Степанов Ю. С. Язык и Метод. К современной философии языка. М.: Языки русской культуры, 1998.
3. Падучева Е. В. Режим интерпретации как контекст, снимающий неоднозначность // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 2008. Вып. 7 (14). С. 412–419.
4. Levinson S. C. Space in Language and Cognition: Explorations in Cognitive Diversity. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
5. Ирисханова О. К. [и др.]. Полимодальный пространственный дейксис в речи и жестах: системы координат в экспланаторном дискурсе / О. К. Ирисханова, М. И. Киосе, А. В. Леонтьева, О. В. Агафонова // Вопросы когнитивной лингвистики. 2022. Вып. 4. С. 17–31.
6. Longacre R. E. The grammar of discourse. New York: Plenum, 1983.
7. Berman R. A, Nir-Sagiv B. Comparing narrative and expository text construction across adolescence: A developmental paradox // Discourse Processes. 2007. # 43 (2). P. 79–120.
8. Апресян В. Ю. Тут, здесь и сейчас. О временных значениях пространственных дейктических слов // Русский язык в научном освещении. 2014. Вып. 27 (1). С. 9–41.
9. Демьянков В. З. Синтактика, семантика и прагматика в научном творчестве Ю. С. Степанова // Языковые параметры современной цивилизации. М: Институт языкознания РАН, 2013. С. 6–13.
10. Majid A. et al. Can language restructure cognition? The case for space / A. Majid, M. Bowerman, S. Kita, D. B. M. Haun, Levinson S. C. // Trends in Cognitive Science. 2004. # 8. P. 108–114.
11. Levinson S. C. Turn-taking in human communication – Origins and implications for language processing // Trends in Cognitive Sciences. 2016. # 20. P. 6–14.
12. Коротаяев Н. А. Мультиканальное взаимодействие при совместном построении синтаксических конструкций в диалоге // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 2023. Вып. 22. С. 254–266.
13. Горбылева А. В., Шевченко Т. И. Модели взаимодействия собеседников по высотнo-диапазональному параметру в дружеской беседе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1 869). С. 48–54.
14. Bangerter A., Clark H. H. Navigating joint projects with dialogue // Cognitive Science. 2003. Vol. 27. P. 195–225.

REFERENCES

1. Apresjan, Ju. D. (1986). Deixis in lexis and grammar and the naïve worldview. Semiotics and Informatics, 28, 5–33. (In Russ.)

2. Stepanov, Yu. S. (1998). Language and method. To the modern philosophy of language. Moscow: Languages of Russian Culture. (In Russ.)
3. Paducheva, E. V. (2008). The regime of interpretation as a context eliminating ambiguity. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*, 7(14), 412–419. (In Russ.)
4. Levinson, S. C. (2003). *Space in Language and Cognition: Explorations in Cognitive Diversity*. Cambridge: Cambridge University Press.
5. Iriskhanova, O. K., Kiose, M. I., Leonteva, A. V., Agafonova O. V. (2022). Multimodal spatial deixis in speech and gesture: frames of reference in explanatory discourse. *Issues of Cognitive Linguistics*, 4, 17–31. (In Russ.)
6. Longacre, R. E. (1983). *The grammar of discourse*. New York: Plenum.
7. Berman, R. A., Nir-Sagiv, B. (2007). Comparing narrative and expository text construction across adolescence: A developmental paradox. *Discourse Processes*, 43(2), 79–120.
8. Apresjan, V. Ju. (2014). Tut, zdes' i sejchas = On temporal meanings of spatial deictic words. *Russian Language and Linguistic theory*, 27(1), 9–41. (In Russ.)
9. Demyankov, V. Z. (2013). Syntactics, semantics and pragmatics in the scientific heritage of Yu.S. Stepanov. *Language parameters of modern civilization* (pp. 6–13). Moscow: Institute of Linguistics RAS. (In Russ.)
10. Majid, A., Bowerman, M., Kita, S., Haun, D. B. M., Levinson, S. C. (2004). Can language restructure cognition? The case for space. *Trends in Cognitive Science*, 8, 108–114.
11. Levinson, S. C. (2016). Turn-taking in human communication – Origins and implications for language processing. *Trends in Cognitive Sciences*, 20, 6–14.
12. Korotaev, N. A. (2023). Multi-channel interaction in collaborative use of syntactic constructions in dialogue. *Computational linguistics and intellectual technologies*, 22, 254–266. (In Russ.)
13. Gorbyleva, A. V., Shevchenko, T. I. (2023). Friendly Talk-in-Interaction Models Based on Pitch and Pitch Range Parameters. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 1(869), 48–54.
14. Bangerter, A., Clark, H. H. (2003). Navigating joint projects with dialogue. *Cognitive Science*, 27, 195–225.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Киосе Мария Ивановна

доктор филологических наук, доцент
главный научный сотрудник
Центра социокогнитивных исследований дискурса
Московского государственного лингвистического университета
ведущий научный сотрудник
лаборатории мультимедийной коммуникации
Института языкознания Российской академии наук

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kiose Maria Ivanovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Assistant Professor
Chief Researcher at Centre for Sociocognitive discourse studies
Moscow State Linguistic University
Leading Researcher at Laboratory of Multichannel communication
Institute of Linguistics
Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию	25.01.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	16.02.2025	approved after reviewing
принята к публикации	13.03.2025	accepted for publication